

Никита Александрович Колоколов,
*доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда Российской Федерации
в почетной отставке,
заведующий кафедрой судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московский университет имени А. С. Грибоедова;
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Институт социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета
E-mail: nikita_kolokolov@mail.ru*

Государственная научно-техническая политика в сфере обеспечения судебной деятельности: компьютеризация, искусственный интеллект

Аннотация

Беспорные успехи в сфере компьютерных технологий подвигли отечественных и зарубежных специалистов в сфере уголовного процесса к поспешному внедрению таковых в уголовное судопроизводство. Возникают вопросы: 1) не принимают ли «новаторы» и «инноваторы» желаемое за действительное; 2) что день грядущий в уголовном процессе нам готовит; 3) что такое искусственный интеллект в правосудии (киберправосудии)?

Ключевые слова и словосочетания: уголовное судопроизводство; механизация; автоматизация; электронизация; цифровизация, компьютеризация уголовного судопроизводства; аудио- и видеопротokolирование; технологии удаленной коммуникации; видео-конференц-связь; машиночитаемое право; интеллект; искусственный интеллект; киберправосудие.

Недопустимая в XXI в. архаика современного процесса

Уголовное судопроизводство наших дней – набор процессуальных институтов; история существования некоторых – тысячи лет (допрос, опознание, провозглашение судебного решения и т. д.); период применения других – всего сотни лет (протоколирование хода судебного разбирательства на бумажном носителе активно стало применяться с XIII в.); наконец, период жизни третьих едва превышает столетие (изготовление копий процессуальных документов с помощью печатных машинок).

Если же через призму истории на систему уголовного судопроизводства взглянуть в целом, то обнаруживается, что подавляющее большинство существующих процессуальных институтов (письменное досудебное производство, устный процесс в суде, письменный ход в судебно-контрольных инстанциях) – порождение эпохи промышленной революции.

Ничего удивительного в этом нет, ибо процессуальная форма предопределена, во-первых, уровнем развития производительных сил общества (совокупностью материальных фактов – здания, оборудование, коммуникации) и свойственных ему производственных отношений (уровень межличностных контактов и их конфигурации). Во-вторых, важное значение в организации уголовного процесса имеют соответствующие априори консервативному обществу традиции, конкретнее, уровень его общей и юридической культуры.

Позволим констатацию: на смену «офису судебному» стремительно идет «офис», по названию пока еще судебный, но уже во многом виртуальный, а, как известно, смена систем мысли в одном неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в этом ряду и модель уголовного судопроизводства.

Как очень точно отметил в своем интервью журналу «Закон» судья Конституционного Суда Российской Федерации Г. А. Гаджиев, «общества вступили в новую фазу исторического развития. Перемены происходят гораздо быстрее, чем раньше. Раньше можно было прожить всю жизнь в одинаково комфортных условиях и не чувствовать, что технологические изменения выталкивают тебя из жизни. Сейчас, и я это чувствую на себе даже физически, быстрое вхождение в жизнь явлений, связанных с цифровизацией, ограничивают возможности многих. Это может быть связано как с биологическими особенностями человека, например возрастом, когда сложно воспринимать изменения, так и с самим фактом доступа к новым технологиям» [2, с. 8–9].

Компьютеризация – первопричина текущей процессуальной революции: изменились форма, структура и содержание подавляющего большинства документов, многие из них насчитывают десятки, а то и сотни страниц текста, воспринять которые на слух невозможно. Стороны вынуждены терпеливо ожидать изложения сказанного на бумаге, что моментально торпедирует концепцию процесса устного, господствующую в России с 1864 г.

Очевидно, что следующий этап в развитии отечественного уголовного судопроизводства – тотальное сокращение роли человека в принятии процессуального решения, торжество искусственного интеллекта (далее – ИИ) в осуществлении правосудия.

Новое государство – новый уголовный процесс

Ввиду нарастающей ограниченности большинства материальных ресурсов порожденное в XIX в. «государство социальное» начало свой уверенный дрейф в направлении более «экономичного» «государства самозанятых», что, в свою очередь, отразилось на подходах к организации многих видов судебной деятельности.

Реальный вариант развития техники на начало текущего столетия

В свое время (2000 г.) автору этих строк во время служебной командировки довелось детально изучить организацию уголовного процесса в г. Калгари (Канада, провинция Альберта). Увиденное заставило вспомнить слова из некогда широко известной русской песни: «Англичанин мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машинной машину...», ибо уже тогда в судопроизводстве этого государства многое было организовано, как сейчас говорят, «по-умному», то есть все, что можно, было механизировано, автоматизировано, а то всего лишь упрощено до предела.

Все действия полиции с момента задержания правонарушителя обязательно фиксировались на видео, включая его доставку в отдел, установление его личности, обязательный осмотр фельдшером, реализацию виновным права на звонок своему адвокату. В полном объеме фиксировалось на видео все время пребывания задержанного в одиночной камере. Впрочем, данный срок в больших городах редко превышал шесть часов; проблемы, вытекающие из необходимости избрать в отношении правонарушителя меру пресечения, оперативно разрешались посредством организации круглосуточного дежурства прокуроров, адвокатов и специальных судей.

Естественно, что встречались задержанные, которые предпочитали неограниченно долго ждать «своего собственного адвоката» (например, индианка – защитника индейца). Уголовный процесс Канады неразрешимой проблемы в этом не видел: государство обеспечило задержанному право на суд в течение 24 часов, следовательно, свои обязательства перед человеком и гражданином оно выполнило. Все остальное, включая «добровольное» нахождение под стражей в ожидании избранного защитника, – личное дело правонарушителя.

Кстати, канадское общество не видело ничего предосудительного в применении к задержанным правонарушителям (в том числе и несовершеннолетним) не только наручников, но и кандалов.

К этому не лишним будет добавить, что материалы предварительного расследования (полицейского и прокурорского дознания) умещались на одном CD-диске (допросы-аудиоинтервью),

к которому прикладывалась тонкая подшивка документов, в которых полностью просматривалось только движение дела. Следует особо отметить, что эти документы представляли собой разноцветные бланки, в которых нужное следовало всего лишь подчеркнуть. Данная культура процесса переносилась в судебное заседание; итоговый документ – приговор – представлял собой типовой бланк, в котором судья только подчеркивал вид наказания (например, штраф или тюремное заключение) и максимум цифрами вписывал его размер (сумма в канадских долларах или в месяцах).

Естественно, что на 100 % процесс фиксировался с помощью аудиозаписи. В случае важности дела запись могла бы быть видео.

Результат: уголовный процесс Канады совершенно не нуждался в таком заведомо архаичном действии, как ознакомление сторон с материалами уголовного дела, в любой из его стадий. Не было нужды в секретаре судебного заседания, который в России все еще от руки ведет бумажный протокол, гадая при этом, что из сказанного сторонами в него следует внести, а что из слов участников процесса можно и пропустить.

Многословие подсудимых для судебного разбирательства Канады не характерно, ибо там хорошо знают: слово – серебро, а молчание – золото, так как все, что по делу надо знать судье, ему скажут прокурор и адвокат.

Впрочем, не бывает правил без исключений: желающая спорить с судом сторона вправе истребовать не письменный протокол судебного заседания (изложение на вольную тему), а его стенограмму, которая состоит из нескольких сотен страниц, на которых слово в слово в письменном виде воспроизводится ход разбирательства по делу, в стенограмме приводятся не только междометия, но и отдельные звуки, фиксируются паузы, некоторые из которых более красноречивы, чем сказанное. Естественно, что уже тогда канадские суды активно использовали видео-конференц-связь.

Отдельно следует отметить, что канадский суд действует по следующему принципу: если подсудимый не идет к нему, то суд выезжает к подсудимому. Нового в этом ничего нет, ибо еще с древнейших времен данным принципом руководствовались английские суды (официально Канада все еще часть Соединенного Королевства), функционировавшие в отдаленных местах посредством выездных квартальных сессий.

Автору представилась возможность наблюдать работу такой сессии в одной из резерваций канадских индейцев. За несколько часов выездная сессия (судья единолично), прибывшая из провинциального суда г. Калгари, рассмотрела около семи десятков уголов-

ных дел (прокурор – индеец, адвокат – индеец и судья – индеец). Здание суда, заблокированное с постоянно действующим территориальным отделом полиции, по своему благоустройству ни в чем не уступало городскому суду.

Важную роль в организации предварительного расследования и правосудия играло его информационно-техническое обеспечение. Уже к 2000 г. большинство процессов, связанных с фиксацией, хранением и предоставлением информации о правонарушениях (преступлениях), правонарушителях (преступниках), судебных прецедентах, было автоматизировано, от пользователя требовалось только сделать соответствующий запрос с помощью компьютера.

Адвокат просил учесть, что его подзащитный – индеец – давненько не садился в состоянии алкогольного опьянения за руль, на что судья, тут же посмотрев данные о подсудимом на компьютере, возразил: «Разве Вы, уважаемый адвокат, забыли, что Ваш подзащитный был судим за такое же деяние всего лишь 27 лет назад».

Не только в Канаде, но и в других странах многие, казалось бы, неразрешимые вопросы процессуального характера легко находят оригинальное разрешение. Например, в 2011 г. во время служебной командировки при посещении СИЗО в г. Осло (Норвегия) автор узнал, что все арестованные непрерывно находятся на прямой связи со своими адвокатами. Все просто: поднял трубку однонального телефона и можешь советоваться с защитником.

С момента командировки в Канаду минуло более двух десятилетий, кое-что из увиденного появилось в современной России. Очевидно, что постепенно наше уголовное судопроизводство подтянется на определенный, общепризнанный в мире уровень. Правда, уровень этот требует, во-первых, соответствующего материально-технического обеспечения, во-вторых, воспитания «новых» криминалистов и процессуалистов, которые должны быть буквально взращены на современных компьютерных технологиях.

Умные технологии в правосудии

Появились понятия «умный дом», «умный автомобиль» – системы, полностью руководимые электроникой, иными словами, ИИ [6, с. 64–78]. В текущий момент времени можно с уверенностью констатировать, что ИИ изо дня в день и, что немаловажно, успешно решает за человека множество когда-то обременительных для него задач.

Например, «умные электронные судьи» без личного участия сотрудников автоинспекции успешно и оперативно выявляют нарушения норм права, допускаемые, например, водителями, штрафу-

ют правонарушителей (ч. 2 ст. 12.9, ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ). Человек (инспектор ГИБДД) в этом процессе – всего лишь контролер (пока!). О некоторых проблемах использования ИИ в судопроизводстве мы уже писали [5, с. 3–7].

Новые технологии – новые системы мысли

Современное поколение российских юристов со студенческой скамьи впитало в себя многие, казалось бы, очевидные постулаты, например институт индивидуализации наказания. При этом мало кто замечает, что многое в его сути от лукавого, ибо четко формализовать обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, практически невозможно. При появлении новых стандартов выявления правонарушений, их фиксации, естественно, будут и новые подходы к назначению наказания. Так, авторы вышеприведенных ч. 2 ст. 12.9 и ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ решительно отошли от необходимости индивидуализации наказания, вместо априори безнадежных попыток установить личность правонарушителя перешли к наказанию владельцев транспортных средств.

Судопроизводство: новые ориентиры

Суд – признаваемая практически всем человечеством процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении конфликтов. Конфликтогенность сторон с одной стороны, их процессуальная инфантильность с другой свидетельствуют, во-первых, о том, что конфликтующие о последствиях своего поведения не задумываются, во-вторых, мер к примирению они не предпринимают, живут по принципу «вот придет барин, барин нас рассудит» (безропотно согласны на гиперактивную роль суда), в-третьих, стороны стараются свои расходы по разрешению конфликта переложить на общество.

Суд – далеко не единственная форма разрешения социальных конфликтов. Любое обращение в государственную судебную инстанцию неизбежно ведет к тому, что тяжущиеся уклонятся от поиска компромисса (порождение государства социального). В государстве самозанятых его члены ограничены в праве ожидать, что некая «центральная власть» из альтруистических соображений вдруг обеспечит им безопасное существование.

Государство экономит на всем, в том числе и на суде. Данный процесс подстегнула информационная революция, следствие которой – процессуальная революция. Таковая уже началась, например в США она именуется Big Bang («Большой взрыв»). Для нее характерно изменение правил игры (a game changer): работают в первую очередь стороны, осуществлен сдвиг парадигмы (a paradigm shift) – отход от принципа состязательности сторон в направлении к их

сотрудничеству. В целом данный процесс в США называется большой взрыв процессуальной реформы (the Big Bang of procedural reform) [3, с. 8–9].

Процессуальная революция в России

Аналогичные процессы идут и в России. 27 апреля 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 13 о внесении в Государственную Думу законопроекта об оптимизации некоторых процессуальных сроков¹. За коррекцией сроков скрывается революционный переход от процесса устного (услышал, запомнил) к процессу письменному (услышал так много, что ничего не запомнил, поэтому прочитал, сделал выписки). Задуманные в 2017 г. принципы воплощены в реальность в Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. и действуют с 9 января 2023 г.

Для реальной модернизации судебной деятельности необходимо: 1) создание законодательной и 2) материально-технической базы; 3) вспомнить также, что «кадры решают все»; 4) документы в суд только в электронном виде (объем ограничен в мегабайтах); 5) АТ правосудие (пусть пока квазиправосудие) уже существует.

С чего начать? С разработки формализации алгоритмов подготовки материалов для рассмотрения их ЭВМ без вмешательства человека, то есть, как писал Р. С. Белкин, с самого начала, с «полевой криминалистики» [1, с. 6–31].

Что выигрываем? Убираем такую неизбежную составляющую человеческой деятельности, как произвол. Отсутствие судьи-человека приветствуют афроамериканцы, на генетическом уровне не доверяющие белым людям [4, с. 298–302]. Машине человеческие слабости не ведомы! Это – потолок!

Что теряем? Человека! Совесть! Правосознание! Этого у машины нет. Почему, собственно говоря, нет?

Основные научно-практические выводы:

1) «инноваторы» утверждают, что цифра в уголовном процессе уже сейчас решит все проблемы; это не что иное, как забегание вперед;

2) пока еще нет технологий, позволяющих полностью заменить судью-человека «машиной, в которой дышит интеграл». Кроме того, в сознании людей судебная деятельность сакральна в целом, работа конкретного судьи священнодействие (архаика).

3) в то же время правы те, кто возвещает, что ИИ вытеснит широчайший плат юристов.

¹ Письмо Председателя Верховного Суда Рос. Федерации В. М. Лебедева от 28 апреля 2017 г. № 3-ВС-3117/17. Пакет соответствующих документов был направлен председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* «Полевая криминалистика» и ее проблемы // Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3.
2. *Гаджиев Г. А.* Сейчас мы занимаемся развитием права // Закон. 2023. № 12.
3. *Ермакова Е. П.* Реформа гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция). М., 2018.
4. *Зульфугарзаде Т. Э.* Влияние цифровизации на судебную форму защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях. М., 2022.
5. *Колоколов Н. А.* Компьютер вместо судьы – арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3.
6. *Колоколов Н. А.* Юридические инновации в сфере судебного строительства от века индустриального до эпохи второго пост-модерна (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2021. № 15.